

«Зырянские суеверия» в записках корреспондентов «Вологодских губернских ведомостей»*

В особую разновидность словесного творчества литераторов-краеведов Коми края XIX в. можно выделить нравоописательные записки и очерки, имевшие целью, как писал один из авторов того времени Ф. Берг, «верно отразить личность, характер и обычаи» коми-зырян – «этого полудикого еще народа» [2, с. 108]. Поскольку характер описания отличительных свойств зырянина в сущности прогнозировался известной классификацией народов на просвещенных и менее образованных, в писательский оборот совершенно естественно и в первую очередь вовлекалась та область народной жизни, которая наилучшим образом обнаруживала место зырян на лестнице культурной эволюции. В этой связи не удивляет пристальное внимание регионального литератора-краеведа к народным верованиям, относимым к предрассудкам и суевериям.

Не обошли вниманием эту тему и корреспонденты «Вологодских губернских ведомостей». Практически во всех публикациях, задачи которых состояли в описании особых этнических свойств коми-зырян, констатируется чрезмерная склонность последних к таинственному, сверхъестественному. Из этой «природной» черты народа, по мнению зыряноведов, и происходит многочисленность бытующих в зырянских поселениях верований в самых различных духов, колдунов, ворожей и наговорщиков, распространение всевозможных примет и предрассудков.

Одним из первых к описанию народных верований зырян и публикации своих наблюдений на страницах «Вологодских губернских ведомостей» обратился священник Нючпасской церкви Иаков Попов. Неисчерпаемость зырянских суеверий он объяснял происхождением народа, «выродившегося» из древней языческой чуди, которую «скандинавы почитали величайшими колдунами и чародеями, а землю их – страной чудес и превращений» [4, с. 323]. Другой причиной суеверности зырян он считал их восприимчивость к остаткам языческой религии русских соседей, свидетельством чему, с его точки зрения, служит наличие

* Статья подготовлена в рамках реализации конкурсного проекта фундаментальных научных исследований РГНФ на 2016–2018 гг. «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века» (№ 16-14-00118).

общих для двух народов верований. Так как существование бесчисленного множества поверий порождало трудности в их описании, И. Попов нашел необходимым навести в этом вопросе определенный порядок и в своем очерке «Очертание зырянской демонологии» (1859) разделил все зырянские суеверия на два разряда: 1) «те, которые чисто относятся к демонологии», – это вера в духов-хозяев природных стихий и человеческого жилища; 2) связанные с верой «во всевидящую прозорливость и всемогущую силу двух классов людей». Первый класс – это те, кто занимается ворожбой и гаданием, «узнает по одному взгляду на нашептанную воду причину болезни человека и самих людей, испортивших его и т. д.»; и второй – класс всемогущих заговорщиков, которые произнесением нескольких таинственных слов или начертанием известных только им фигур «останавливают течение крови, излечивают всевозможные болезни, предотвращают несчастья, порчу и многое, тому подобное» [4, с. 325]. Сам же И. Попов сосредоточился на первой группе персонажей, составив ядро зырянского демонария из суседко (домового), вёрса (лешего), куля или васа (водяного), орта (тени мертвого или гробового духа), шевы (порчи) и титимеры (кикиморы). Заметим, что продуктам зырянской фантазии, за исключением одного духа, называемого «орт», И. Попов находит прямые соответствия в персонажной системе русской низшей мифологии, что, на первый взгляд, противоречит заявленному им в самом начале очерка намерению представить оригинальные или, по его словам, «замечательные черты ... из устно передаваемых верований народных» [4, с. 322]. Однако примем в расчет, что в своей писательской практике, адресованной русскому читателю, эту задачу он мог выполнить единственным способом – обозначить и описать персонажей зырянских верований через узнаваемые образы детально разработанного славянского демонария.

Надо полагать, что в деле «очертания» зырянской демонологии И. Попов имел конкретный ориентир – популярную в то время работу И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды»; во всяком случае он ссылается на одну из глав этого сочинения «Святки», публиковавшуюся в 1838 г. в «Московских ведомостях»¹. Следуя примеру И. М. Снегирева, Попов предваряет описание добытых им сведений теоретической частью, в которой дает разъяснения о происхождении народных верований, но в отличие от своего именитого пред-

¹ Статья, на которую ссылается И. Попов, опубликована без указания автора. Авторство И. М. Снегирева установлено нами по источнику: [3, с. 40].

шественника, подчеркнуто дистанцируется от сознания «простолюдина», который, «не зная ни сил, ни законов природы, привык подозревать во всем какие-то таинственные существа» [4, с. 324]. Характерно, что эта часть очерка построена в вопросно-ответной форме. Автор задает и сам же отвечает на вопросы «Что такое такое демонология зырян? Откуда она ведет свое начало в историческом отношении? Из чего она состоит? В чем заключается сходство и различие между демонологией зырянской и демонологией соседственных краев?» [4, с. 322] и тем самым как бы вовлекает читателя в процесс научного исследования предмета. В этом диалоге эрудированного в вопросах мифологии зыряноведа и образованного читателя сам зырянин представляется «третьим лишним», не обладающим по причине «младенческого ума» и «недальновидности в понятиях» правом голоса.

Соответственно строится вторая часть очерка, знакомящая читателя с конкретными персонажами зырянского демонария: все рассказы «истых зырян» о встречах с суседко, вѳрса, кулем, ортом, титимерой подаются в пересказе самого автора и завершаются его рассуждениями о заблуждениях зырянина, бездоказательно и упорно верящего в существование духов, и объяснением народных суеверий с точки зрения науки. Вот одна из таких реплик ученого автора в сторону упрямого зырянства: «Нелепость этого (в титимеру. — В. Л.) верования ... нельзя приписать ни к чему иному, как только той же близорукой, сопутствуемой чрезмерным воображением невежественности зырян и притом такой невежественности, которая не только не может, но и не желает выйти из своего заблуждения через внимательное наблюдение за окружающим ее» [4, с. 332]. Высказывание в большой степени показательное, если принять во внимание, что очерк И. Попова появился в период расцвета русской мифологической школы, когда уже немало было написано о губительности высокомерного презрения к суеверным рассказам славян, а «фольклор адаптировался и приспособливался к литературным вкусам эпохи, к ним же приближалась и мифология. Ее хотели видеть богатой и красочной» [6, с. 12]. Автор «Очертаний зырянской демонологии», напротив, видит последнюю «небогатой вымыслами и изяществом баснословия» [4, с. 325] в точном соответствии со стереотипным образом инородца, чья картина мира описывалась методом ее неравного критического сопоставления с культурой титульного народа империи.

В том же 1859 г. тема зырянских суеверий в «Вологодских губернских ведомостях» была продолжена В. Аврамовым (предположительно служил письмоводителем Яренского окружного управления) в очерке

«Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт». Применительно к этому очерку, представляющему собой комплексное описание народонаселения уезда, можно говорить об усилившихся чертах этнографизма в портретировании Коми края. В противоположность И. Попову, В. Аврамов не склонен к теоретическим построениям и заметно эмпиричен, предпочитая умозаключениям изложение конкретного материала, собранного из местных источников. Повышенная информативность текста, очевидно, и создала в свое время убежденность в особой «добросовестности и осторожности» этого автора [5, с. 45]. Вместе с тем в части описания зырянских верований В. Аврамов откровенно оценочен: излагая «произведения народной фантазии» в духе современного ему позитивистского знания, он неизбежно занимает позицию диагноста. Передавая, к примеру, рассказы зырян о вмешательстве лешего в жизнь человека, в частности – о подмене лесным духом новорожденных детей, Аврамов считает своим долгом дать им следующее объяснение: «Лешие уносят новорожденных детей, когда матери не благословят их или в сердцах выбранят, а на место их оставляют других, вовсе не похожих на первых, обыкновенно большеголовых и глупых идиотов, которых потому и называют обманами... Это поверье основанием своим имеет, вероятно, то, что здесь изредка случается видеть кретинков, с самого рождения подверженных идиотизму» [1, № 34]². Предрассудки зырян Аврамов традиционно объясняет «умственным состоянием народа», который в силу своего невежества охотно прибегает к услугам знахарей и колдунов, пользуется заговорами в домашнем быту и на промыслах, верит в порчу и сны, с каким-то особым удовольствием рассказывает о травах-невидимках и чудских кладах, «толкует вкривь и вкось» явление физического мира. Невежество проникло в зырянскую жизнь до такой степени, пишет автор очерка, что «зыряне, обыкновенно религиозные и благоговейные во время богослужения, решаются для получения большей корысти и удачи в промыслах злоупотреблять даже святостью духовных обрядов. Так, например, в первый день Пасхи, за заутреней, после первого приветствия священника “Христос воскрес” некоторые охотники и рыболовы не отвечают на это приветствие обычным “во истину воскрес”, а произносят имена ценных птиц, зверей и рыб, надеясь через то на целый год сделаться счастливыми в промыслах» [1, № 35]. «Просвещению и цивилизации здесь много дела» [1, № 35], – таково заключение Авра-

² Здесь и далее при цитировании работы Аврамова в ссылках указывается номер выпуска газеты.

мова. В то же время в страсти зырянина ко всякого рода «россказням» он видит не столько стадиальную, сколько перманентную, этническую его черту, состоящую в особой консервативности, привязанности к устоявшейся традиции: зырянами «все новое, хотя бы явно полезное для быта жителей, принимается с трудом. Старое, давно известное в крае, напротив того, упорно защищается», и «разубеждать зырян в их верованиях, бесполезный труд, потому что зыряне на таких людей смотрят с каким-то страхом, как на вольнодумцев или безбожников, для которых нет ничего святого и заветного» [1, № 35]. Рассуждения Аврамова невольно приводят к выводу, что единственным способом, который может подвигнуть зырян встать на путь просвещения и, следовательно, избавиться от суеверных убеждений, является их обрусение, преодоление сложившихся, кровных черт национального характера.

Как видим, при описании народных верований авторы придерживаются общей тактики, создавая образ-представление о зырянине как человеке непросвещенном, обладающем архаичным мировоззрением и сохраняющем первобытную веру в сверхъестественное, вместе с тем внимание к эмпирическому материалу и его детализация свидетельствуют о продвижении местного очеркиста-краеведа к выявлению своеобразных сторон автохтонной культуры. В данном случае авторам удалось зафиксировать отдельные особенности зырянских представлений о мире духов, в частности передать особую реалистичность и телесность последних в народном воображении. Так, зырянин обыкновенно представляет суседко седым стариком с огромною бороною. Вёрса видит в образе великана ростом с высокую сосну, он же обладает необыкновенной быстротою бега и неимоверною силою, превращающею в груды развалин леса и горы. Куль имеет вид человека с длинными и мокрыми волосами; не лишен телесности и орт – гробовой дух, т. к. может являться родственникам и знакомым человека, близкого к смерти. Шева олицетворяется зырянами в образе бабочки, влетающей в человека, на которого навели порчу, а титимера – тоже порождение колдунов, предстает человеку в виде устрашающей большой, мохнатой куклы. Тот и другой автор активно дистанцируются от этих мифов, которые есть, по их мнению, «заблуждение ума, произведение фантазии, уклонившейся от законов действительного и возможного», но в деталях знакомят с поверьями зырян о всевозможных контактах человека с духами, благодаря чему возникает впечатление самобытности этой сферы народной культуры и, несмотря на утверждения о бедности зырянской фантазии, создается образ народа, имеющего насыщенную мифопоэзию.

Список литературы

1. *Аврамов В.* Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // Вологодские губернские ведомости. 1859. № 33–35.
2. *Берг Ф.* Заметки и воспоминания заезжего о зырянах // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар : Кола, 2010. С. 105–116.
3. Иван Михайлович Снегирев : библиограф. указ. / сост. О. Ф. Бойкова. М. : Гос. публ. ист. б-ка, 1994. 216 с.
4. *Попов И. С.* Очертание демонологии зырян // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар : Кола, 2010. С. 322–332.
5. *Попов К.* Зыряне и зырянский край. М. : Тип. С. П. Архипова, 1874. VI, 89 с. (Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии ; т. XVIII, вып. 2. Тр. этнограф. отдела).
6. *Толстой Н. И.* «Очерки русской мифологии» Д. К. Зеленина и развитие русской мифологической науки // Зеленин Д. К. Избр. тр. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / вступ. ст. Н. И. Толстого ; подгот. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М. : Индрик, 1995. С. 10–27. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения).

О. А. Колегова (Пермь)

Фольклорная легендарно-историческая проза в «Пермских губернских ведомостях» 1840–1860-х гг.*

Возрастание интереса к фольклору характеризует общественную мысль середины XIX в. Именно в это время в центральной и региональной периодике все чаще начинают появляться тематические материалы, представленные в рубриках типа «С мест. Из уездов». Волна интереса к народной культуре не обошла стороной и Пермскую губернию, включающую в себя на тот момент территории современной Свердловской и Курганской областей.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-34-00007 («История Северного Прикамья в зеркале фольклора (на материале публикаций XIX – начала XX века)»). Статья написана под руководством кандидата филологических наук, доцента С. Ю. Королевой.